

Высказанные замечания не могут умалить значение большого труда, проделанного составителем, или существенно уменьшить ценность публикации. Исследователи античного Причерноморья впервые получили систематическое издание части материала граффити, являющегося немаловажным пополнением круга сохранившихся источников. Следует надеяться, что за публикацией граффити Гос. Эрмитажа последуют подобные издания других музеев и что изучение этого источника в тесной связи со всеми остальными видами письменных и вещественных памятников будет способствовать глубокому исследованию далекого прошлого населения нашей Родины.

П. Карышковский

И. ФРИДРИХ, Краткая грамматика хеттского языка, Перевод с немецкого и вступительная статья А. В. Десницкой, под редакцией акад. В. В. Струве, М., 1952, 200 стр., цена 8 р. 75 к.

Выход в свет перевода книги И. Фридриха был встречен с большим интересом в кругах востоковедов.

Изданная в 1940 г. «Краткая грамматика хеттского языка» И. Фридриха¹ попала к нам с большим опозданием, притом буквально в двух-трех экземплярах. Между тем интерес к хеттскому языку, весьма значительный уже в период его дешифровки, в 1915—1916 гг., продолжает непрерывно возрастать и шириться, так как материалы хеттских письменных памятников становятся достоянием исторической науки, а сравнительное индоевропейское языкознание уже не может обходиться без учета хеттских лингвистических фактов².

В настоящее время, когда сравнительное языкознание восстановлено в своих правах, увеличивается также и роль описательных грамматик, дающих отправной материал для исторического и сравнительно-исторического исследования. Книга И. Фридриха, явившаяся итогом 25-летнего изучения не известного прежде древнего индоевропейского языка, значительно расширяет перспективы сравнительно-исторического исследования семьи индоевропейских языков в целом.

При всей компактности «Грамматика» И. Фридриха представляет собой систематическое и исчерпывающее описательное изложение всех тех сведений о хеттском языке, которые к 1940 г. можно было считать окончательно и достоверно установленными. Она содержит обстоятельные разделы фонетики, морфологии и синтаксиса³, а также обзор иноязычных (шумерских и аккадских) форм, встречающихся в хеттском языке.

Годы, прошедшие с момента опубликования «Грамматики» И. Фридриха, не уменьшили ее ценности. Война частично затормозила работу по исследованию хеттского языка; временно сократилось количество публикаций, и книга Фридриха, как описательная грамматика хеттского языка, в основном продолжает удовлетворять читате-

¹ J. F r i e d r i c h, Hettitisches Elementarbuch, Erster Teil. Kurzgefasste Grammatik, Heidelberg, 1940.

² «Краткая грамматика хеттского языка» И. Фридриха привлекла внимание советских лингвистов. (См. также рецензию М. А. Немировского, «Вопросы языкознания», 1953, № 6, стр. 151—154).

³ А. В. Десницкая отмечает в своей вступительной статье тот особый интерес, который представляет в книге первый, и пока единственный, систематический обзор хеттского синтаксиса. В этом разделе переводчицей правильно учтены дополнительные соображения автора по поводу §§ 208—210, опубликованные им в 1946 г. во 2-й части настоящей книги.

ля полнотой охвата материала, тем более что другой обобщающей работы такого рода за это время не появилось. Вышедшее в 1951 г. второе издание «Сравнительной грамматики хеттского языка» Стэртеванта¹, подготовленное им совместно с А. Хан, ставит себе, как это явствует из заглавия, совершенно иные цели. До сих пор нет другого пособия, которое могло бы лучше, чем «Грамматика» И. Фридриха, удовлетворить запросы филолога, историка или лингвиста, желающего изучить хеттский язык, либо нуждающегося в фактической справке.

Нужно сказать, что теоретические ошибки в области морфологии, которыми грешат общие построения И. Фридриха, почти не нашли отражения в настоящей его работе, поскольку здесь автор неуклонно придерживается чистого изложения фактов. Вкравшиеся же кое-где ошибки, связанные с недооценкой архаичного характера некоторых черт хеттской грамматики, отмечены во вводной статье и подвергнуты А. В. Десницкой справедливой критике.

Потребуется в выходе хеттской грамматики на русском языке назрела уже давно и обусловила тот значительный интерес, который проявляет в настоящее время к рецензируемой книге советская научная общественность.

Перевод осуществлен А. В. Десницкой с большой тщательностью. Только в некоторых случаях, когда переводчице казалось, что та или иная мысль выражена автором недостаточно точно, она вносила в текст свои поправки, не оговорив их соответственным образом. Приходится признать, что некоторые из этих поправок не вполне удачны. Так, например, в § 2 у Фридриха сказано: «Идеограммы для всех клинописных языков одинаковы и понятны, независимо от различия в их произношении»; в переводе этого параграфа читаем: «Идеограммами называются не фонетические знаки для целых слов; их форма во всех клинописных языках одинакова, и поэтому они, независимо от различного произношения, понятны для всех языков, подобно тому как употребляемые теперь цифры одинаково ясны в немецком, французском, польском или венгерском текстах».

Далее у Фридриха говорится (§ 9): «Различение гласных *e* и *i* клинопись передает не вполне последовательно»; в переводе — «Гласный *e* клинопись передает не всегда четко».

Кроме того, требуют возражения случаи перевода приведенных автором хеттских примеров не в соответствии с данным самим автором немецким переводом, а по изданному ранее словарю Стэртеванта², например:

Страница по русск. изданию	Хеттское слово	Перевод Фридриха	Перевод Стэртеванта и перевод А. В. Десницкой
108	nāi —	lenken (направлять)	lead, send и др. направлять, посылать
110	šarra —	trennen (разделить, отделить)	separate, divide, break и др. разделить, разломать
120	handāi —	sich fügen, sich ergeben (подчиняться, сдаваться)	establish, determine, fix; in order, prepare. устанавливать, прилаживать, устраивать

Заодно нужно указать на вкравшуюся в перевод ошибку — на стр. 58 неправильно передан местный падеж: вместо правильного «в дом» переведено «в доме»; вместо «в свой дом» — «в своем доме»; вместо «в мой дом» — «в моем доме».

¹ E. Sturtevant and A. Hahn, A Comparative Grammar of the Hittite Language, New Haven, 1951.

² E. H. Sturtevant, Hittite Glossary, Philadelphia, 1936.

А. В. Десницкая предпослала переведенной ею книге обширную вступительную статью. Статья эта имеет самостоятельное научное значение. С одной стороны, она отвечает на запросы тех, кто впервые приступает к изучению хеттского языка; они с пользой для себя прочтут о том, когда возник интерес к хеттскому вопросу, какие с этим вопросом связывались истинные и ложные гипотезы, как был найден Богазкейский архив, какова основная периодизация истории хеттов и т. д. С другой стороны, автор дает также интересный и свежий материал для читателя, уже искушенного в хеттологии. Для такого читателя очень ценна критика некоторых ошибочных положений Фридриха.

Автор вступительной статьи совершенно справедливо отмечает, что существенным недостатком книги Фридриха является «отсутствие... элементов сравнения хеттских фактов с фактами родственных хеттскому других индоевропейских языков» (стр. 40).

Сравнительное описание хеттского языка занимает во вступительной статье немало места, тем не менее оно дает отчетливую и убедительную картину соответствий между хеттским и другими индоевропейскими языками¹. В этом разделе, пожалуй наиболее удачном во всей статье, очень четко проведено размежевание окончательно установленного от сомнительного, недостоверного или спорного; уточнена постановка отдельных еще нерешенных вопросов. Здесь также немало интересных и свежих соображений и предположений; в частности, заслуживают внимания наблюдения, касающиеся хетто-славянских связей.

К сожалению, в русском издании опущено краткое предисловие автора. Нам кажется, что его следовало поместить хотя бы уже потому, что И. Фридрих затрагивает здесь существенный вопрос о специфической, так называемой комбинаторной, методике исследования хеттских памятников. Между тем вопросы методики исследования не следовало обходить; наоборот, в статье, специально посвященной стержневым проблемам хеттологии, их стоило бы подвергнуть более детальному обсуждению, так как вопросы методики исследования древних языковых памятников, имеющей целью раскрытие самого языкового материала, далеко не безразличны для методологии языковедческого исследования вообще.

А. В. Десницкая в статье дважды формулирует свое отрицательное отношение к термину «азиантические языки», который она считает «туманным». Следует сказать, что этот термин не так туманен, как скомпрометирован неправильным употреблением. Связанный с представлением о существовании особой, неиндоевропейской и даже доиндоевропейской семьи языков, якобы включавшей все языки древней Малой Азии, в том числе хеттский-несийский и лувийский, этот термин теперь ни в коем случае не должен распространяться ни на несийский, ни на другие древнеанатолийские индоевропейские языки. Употребление термина «азиантические» применительно к неиндоевропейским древним языкам Малой Азии, как, например, к хаттскому, в принципе допустимо, однако нежелательно, поскольку по-разному применявшийся в науке термин уже не обладает должной определенностью. Отказ А. В. Десницкой от термина «азиантический» тем более ценен, что до недавних пор им часто злоупотребляли, относя к «средиземноморскому или азианческому субстрату» факты некоторых индоевропейских языков, не поддающиеся разъяснению на основании сравнительно-исторического изучения; вместе с тем к азиантическим языкам иногда причисляют самые разнообразные древние языки, о происхождении которых еще нет определенного мнения. Что же касается одного из наименований хеттского клинописного языка — термина «несийский, или неситский язык», — то здесь пессимизм А. В. Десницкой, пожалуй, излишен. Название «несийский язык» употребляется довольно широким кругом специалистов, в

¹ Здесь уместно указать, что так как основной словарный фонд хеттского языка явно индоевропейский, то нельзя согласиться с категорическим утверждением А. С. Ч и к о б а в а («Введение в языковедение», I, 1952, стр. 211 сл.) об иберийско-кавказском характере всей хеттской лексики; на это правильно указал Б. А. С е р е б р е н н и к о в в своей рецензии на эту книгу. ВЯ, 1953, № 1, стр. 125.

частности в советской научной литературе¹, и вытеснение им возникшего раньше и существующего пока параллельно с ним неправильного наименования «хеттский язык» вполне возможно.

Поскольку мы здесь остановились на терминологических вопросах, следует указать на вкрадшуюся в введение опечатку: неиндоевропейский язык, который в процессе скрещения с несийским был им побежден, по-несийски назывался хаттским. Раньше (а иногда и теперь) его называли протохеттским (в отличие от хеттского-несийского), но отнюдь не «протохаттским».

Из сказанного выше видно, что вступительная статья в целом безусловно правильно ориентирует советского читателя в основных проблемах, связанных с изучением хеттского языка, и, как уже отмечалось, подвергает должной критике имеющиеся в книге Фридриха ошибочные положения. Очень ценна здесь также критика ложной позиции Н. Я. Марра, категорически отрицавшего индоевропейский характер хеттского языка. В вводной статье, как и в вышедшей несколько ранее работе «Древние языки Малой Азии и сравнительная грамматика» (ВЯ, 1952, № 4) А. В. Десницкая показала декларативный характер утверждений Н. Я. Марра о принадлежности хеттского к «яфетическим» языкам.

Мне кажется все же, что есть еще некоторые вопросы, освещение которых во вступительной статье было бы очень полезно и интересно. Так, некоторые неточности и недоработки И. Фридриха, на которые, кстати сказать, уже указывалось в печати, хорошо было бы отметить и разъяснить если не во вступительной статье, то хотя бы в подстрочных примечаниях. Здесь имеются в виду, в частности, недоразумения в обозначении ударения и долготы. Об ударении в хеттском языке нам пока ничего не известно, а обозначать в описательной грамматике ударение, реконструированное на основании различного рода сравнительно-исторических сопоставлений (ср. § 18 и др.), вряд ли целесообразно. Соответственно нельзя считать правомочным имеющее место у Фридриха (§ 39 и др.) противопоставление хеттских энклитик прочим словам по характеру ударения. Стэртевант² справедливо отмечает, что единственное пока достоверно известное о хеттских энклитиках, это то, что они представляют собой слова, присоединяемые на письме к другим словам.

Что же касается долготы в хеттском, то и о ней мы не имеем положительных данных; знаком долготы в литературе обозначается (и это нуждается в оговорке, которая не сделана ни автором, ни переводчиком) постановка отдельного знака для гласного после слогового знака, содержащего данный гласный; притом случаи, когда написания колеблются, обозначаются одновременной постановкой знака долготы и краткости: например, мы транскрибируем *dāi*, *ēšzi*, *ērzi*, так как эти слова всегда пишутся с отдельным знаком для гласного; но *išhāš* и *waštāi*, так как встречаются написания как с отдельным знаком для гласного, так и без него. У Фридриха этот принцип проведен не последовательно (ср. §§ 69, 169, 188).

Читатели были бы вправе ожидать от А. В. Десницкой также изложения ее собственного мнения по столь темному до сих пор вопросу, как вопрос о чередовании гласных в хеттском языке, тем более что Фридрих говорит об изменениях гласных в весьма осторожных выражениях. Однако и без того не совсем точные формулировки Фридриха, касающиеся гласных, будучи переведены, дают еще больше поводов для произвольного их истолкования. Так, в § 18 Фридрих особо оговаривает достоверные, с его точки зрения, случаи чередования гласных или, как он говорит, «явления подлинного аблаута». В § 11—17 он описывает колебания в графической передаче некоторых гласных, как, например, *e(i)* с *a* (в § 11); *ai* с *e(i)* (в § 13) и т. д., не делая из этих колебаний никаких лингвистических выводов. Вполне возможно, что в ряде случаев мы действительно имеем здесь дело не с фонетическими чередованиями, а с явлениями другого порядка, в частности с попыткой передать на письме звуки, не имеющие в клинописи графиче-

¹ Ср. работы В. И. Авдиева, А. С. Чикобава, И. М. Дьяконова.

² *Language*, vol. 24 (1948), № 2, стр. 189.

ского эквивалента; например, написание *ai* вместо *e(i)* может представлять собой попытку графического обозначения открытого гласного [e]. Поэтому, может быть, не следовало бы употребленный Фридрихом в §§ 11, 13, 15 и 17 не вполне точный термин «Wechsel» передавать русским термином «чередование», тем более что такое употребление термина «чередование» заставляет там, где речь идет о чередовании в строгом смысле слова, ввести в перевод другой, синонимичный термин — «аблаут», редко употребляемый в русской лингвистической литературе, за исключением работ, специально посвященных германскому аблауту.

Чтобы покончить с соображениями фонетического порядка, не будет лишним указать на имеющуюся во вводной статье известную непоследовательность в передаче хеттских согласных [s] и [tts]¹. Как указано в § 28 рецензируемого перевода, звуки эти на письме соответственно обозначаются как *š* и *z*. Следовательно, если хеттские слова давать по-русски в транслитерации, то надо писать «нешийский язык, Неша, Хаттуш, Хаттушил, панкуш; Арзава, Зиппаланда, Кизватна» и т. д.; если же эти слова приводить в транскрипции, что в настоящее время более принято, то следует писать, как это теперь обычно и делается, «несийский язык, Неса, Хаттус, Хаттусиль, панкус²; Арцава³, Циппаланда, Кицватна» и т. д.

Прежде чем перейти к обсуждению нелингвистических вопросов, затронутых во вступительной статье, хотелось бы сказать еще несколько слов относительно хаттского, или протохеттского, языка. Призывая к углубленному сравнительно-историческому исследованию этого языка, А. В. Десницкая совершенно справедливо указывает на малую его изученность и на тот значительный интерес, который представляет для нас хаттский язык, как с точки зрения его поглощения (на всей или на большей части территории его распространения) несийским языком, так и со стороны его вполне вероятных связей с картвельской, или иберийской группой кавказских языков.

Нужно заметить, что пока возможность сравнительно-исторического изучения хаттского языка еще весьма ограничена, и мы прежде всего нуждаемся в расширении нашего знания самих фактов этого языка. Здесь опять-таки было бы уместно указать на плодотворность так называемого комбинаторного метода исследования, при помощи которого были интерпретированы такие клинописные языки, как несийский и лувийский, а также дешифрована хеттская иероглифика.

В своей статье, как уже говорилось, А. В. Десницкая касается ряда нелингвистических вопросов. Очень ценной мне кажется у А. В. Десницкой отчетливая постановка вопроса о сложении хеттской народности в результате скрещения хаттских и несийских племен⁴ и об унаследовании ею культурно-экономических традиций хаттов и лексически обогащенного языка неситов⁵.

Хаттские племена являются исконно малоазиатскими. Что касается происхождения неситов, то здесь принято считаться с двумя возможностями: неситы либо, что наиболее вероятно, пришли в Малую Азию с Балканского полуострова, либо, в соот-

¹ Аналогичная непоследовательность наблюдается, к сожалению, почти во всех работах на русском языке; см., например, у В. И. А в д и е в а, История древнего Востока, изд. 2-е, 1953, стр. 331, 332, 344 и др.

² Нет полной последовательности в передаче окончаний (впрочем, здесь до сих пор нет и общепринятого принципа), так, например, в одних случаях окончания отброшены: «Хаттуш, Хаттусиль, тулия» вместо «Хаттусас, Хаттусилис, тулияс»; в других окончания сохранены, — например, «панкуш» (читай: «панкус»). Ср. ВДИ, 1952, № 4, стр. 255.

³ По поводу наименования «Арцава» нужно заметить, что не следовало бы без оговорки цитировать его в заведомо неверном чтении Б. А. Тураева «арцапи» (ср. рецензируемую работу, стр. 4).

⁴ Возможно также и других племен древней Малой Азии. Термин «неситские племена», «неситы» — условный; в текстах речь идет только о «неситском языке».

⁵ См. вступительную статью, стр. 13 сл.; формулировки на стр. 7 менее удачны.

ветвствии с гипотезой Грозного и Зоммера, они переселились в Малую Азию через Кавказ.

Опираясь исключительно на данные о культурно-экономических связях хеттов с Востоком, со странами хурри, Ассирией и Вавилонией¹, сторонники гипотезы кавказского пути переселения хеттов упускают из виду, что связи хеттского государства не могут служить материалом для выяснения вопроса о происхождении отдельных, уже смешавшихся к моменту образования хеттской народности племен. Не может быть полезен для этой цели и факт заимствования хеттами вавилонской клинописи через посредство хурритов, относящийся, разумеется, не ко времени переселения индоевропейских племен, а к периоду существования или, по крайней мере, сложения хеттского государства.

Гипотеза балканского происхождения племен Малой Азии, говоривших на индоевропейских языках, подтверждается лингвистическими и археологическими данными (ср. стр. 15).

Наряду с вопросом о происхождении неситов, возникает вопрос о времени их появления в Малой Азии и о длительности периода их скрещения с местными племенами. Очевидно, неправильно датировать появление неситов в Малой Азии III или тем более II тысячелетием до н. э., как это иногда делается до сих пор. Как известно, во II тысячелетии у хеттов уже был выработанный письменный язык, несомненно, имевший длительную традицию развития. Если учесть, что на протяжении нескольких столетий, засвидетельствованных письменными памятниками, язык хеттов почти не изменился (там же, стр. 22), то легко себе представить, какой длительный срок был нужен для того, чтобы в процессе скрещения неситского и хаттского, а может быть, и других языков, неситский вышел победителем и успел ассимилировать себе хаттский, обогатившись в лексическом отношении за его счет. Немалое время, надо думать, понадобилось, с другой стороны, на то, чтобы хеттская народность стала однородной в культурно-экономическом отношении и заложила основы своей государственности. Поэтому следует считать, что неситы появились в Малой Азии не позднее IV тысячелетия до н. э.; если они вообще откуда-либо появились, а не жили в Анатолии с древнейших времен, наряду с другими как неиндоевропейскими, так и индоевропейскими племенами.

Так как сложная и запутанная терминология для языков племен и государственных образований древней Малой Азии и Сирии очень затрудняет любого, кто сталкивается с данным кругом проблем, то хотелось бы воспользоваться случаем, чтобы предложить определенную терминологическую схему, которая, быть может, внесет некоторую последовательность в вопросы терминологии. Здесь мы исходим из принятых уже терминов, отбирая из них для последовательного употребления наиболее точные. Терминология для древних языков и народов Малой Азии должна дифференцировать племена и племенные языки до и после их скрещения и учитывать значение, происхождение и сферу употребления их названий.

Из языка хеттов мы знаем следующие наименования: «человек города Хатти» обозначает представителя хеттской народности; «неситский» — обозначает язык «людей города Хатти», т. е. хеттской народности; «хаттский» — обозначает язык, ассимилировавшийся неситскому на основной территории своего распространения, но еще какое-то время существовавший, возможно, за пределами этой территории.

Кроме того, из аккадского, египетского и других немалоазиатских древних языков мы знаем термин «хатти» или «хета», обозначающий население территории Малой Азии и позже Сирии без различия его племенной принадлежности и языков (с этим наименованием связан по происхождению, но не по значению, наш термин «хетты»).

Каково же может быть распределение перечисленных терминов?

Народность, сложившаяся в Малой Азии еще в III тысячелетии, можно с полным правом продолжать называть хеттской, а ее представителей — хеттами. Язык этой

¹ А. В. Десницкая иногда неправильно употребляет «Ассирио-Вавилония», см. стр. 16.

народности следует называть неситским в соответствии со словоупотреблением самих хеттов. Неситским же можно называть и язык ассимилировавшихся впоследствии древних индоевропейских племен Малой Азии (будь то пришлых или коренных), поскольку это в принципе тот же язык, который мы позже застаем у хеттской народности.

За наименованием «хаттский язык» сохраняется его значение, в котором его употребляли хетты и в котором он часто употреблялся в хеттологии, как более точное название для так называемого «протохеттского языка».

Наконец, термины «неситский» и «хаттский», принятые вслед за древним их применением для обозначения языков, мы можем условно перенести и на соответственные племена, имея в виду, в особенности для неситских племен, исключительно период, предшествовавший образованию хеттской народности, поскольку потом неситы как племя были ассимилированы.

Подводя итог всему сказанному, нельзя не прийти к заключению, что опубликование перевода рецензируемой книги принесет советскому читателю несомненную пользу. Он также оценит высокое качество перевода и обстоятельность предпосланной переводу чрезвычайно интересной вступительной статьи, освещающей ряд важных и актуальных вопросов языка и истории хеттов.

Остается только пожелать, чтобы вторая часть книги Фридриха, представляющая собой сборник разнообразных хеттских текстов, снабженных историческими реальными и лингвистическими комментариями и ценными указателями, увидела свет как можно скорее.

И. Дунаевская

The Journal of Juristic Papyrology (Rocznik papirologii Prawniczej), edited by R. Taubenschlag and G. Manteuffel, t. I, New-York, 1945; t. II, Warsaw, 1948; t. III, Warsaw, 1949; t. IV, Warsaw, 1950; t. V, Warsaw, 1951.

Рецензируемый журнал — международный папирологический орган, издающийся в Варшаве профессорами Варшавского университета Р. Таубеншлагом¹ и Е. Мантейффелем².

В журнале принимают участие крупнейшие буржуазные папирологи (Шубарт, Белл, Венгер, Вестерман и др.), а также ряд польских папирологов, в основном представителей младшего поколения, учеников Р. Таубеншлага, ныне возглавляющего возрожденную польскую папирологию.

Статьи публикуются на английском, немецком, французском и латинском языках. На последнем издано несколько работ польских ученых. Первый том был издан в США, куда Р. Таубеншлаг бежал в связи с оккупацией Польши гитлеровскими фашистами. Начиная с 1948 г., журнал издается Варшавским обществом наук и словесности при финансовой поддержке Министерства высшего образования и науки Польши.

Название журнала значительно уже его содержания. Не говоря уже о четвертом томе, посвященном памяти французского папиролога П. Жуге и содержащем статьи на самые различные темы, в журнале можно найти работы, не имеющие ничего общего с юридической папирологией (статьи о древневавилонском законодательстве и т. д.). Поэтому вполне обоснованным было намерение, высказанное редакторами во втором томе, переименовать журнал в «The Journal of Papyrology».

¹ Обширная библиография трудов Р. Таубеншлага до 1944 г. дава в приложении к I тому его капитального труда «The Law of Greco-Roman Egypt in the Light of the Papyri. 332 B.C.—640 A.D.». См. рецензии на I том в ВДИ, 1948, № 2, стр. 110—116, и на II том в ВДИ, 1952, № 4, стр. 108—115.

² Е. Мантейффель — автор руководства по папирологии: F. S m o l k a, J. M a n t e u f f e l, Papirologia, Lwów, 1933; в 1950 г. он издал популярную работу «Ze świata papirusów. Obrazki z życia w Egipcie hellenistycznym».